

Реляция Франсиско Васкеса о мятеже Лопе де Агирре

В предыдущих двух публикациях рассказывалось о том, как в 1560 г. вниз по Амазонке была направлена экспедиция на поиски Эльдорадо во главе с Педро де Урсуа. Мятежники, вдохновленные Лопе де Агирре, убили Урсуа, а на его место поставили Фернандо де Гусмана, провозгласив последнего королем Перу и Чили. Решив отторгнуть у Испании ее колонии, они отказались от испанского подданства и постановили завоевать Перу. Но недолго довелось «царствовать» Гусману — вскоре он сам был убит по приказу Лопе де Агирре, который встал во главе мятежного войска. Путь экспедиции оказался усеян трупами: вождь мятежников казнил соратников по малейшему подозрению в измене.

Во время плаванья по реке Амазонк тиран убил 25 человек, на острове Маргарита он убил еще 14 своих мараньонцев и 11 колонистов, включая двух монахов и двух женщин, и еще двух слуг-метисов, итого на его совести уже было полсотни смертоубийств, при том что никому из казненных он не позволил исповедаться. С острова Маргарита тиран отбыл в воскресенье после полудня, в конце августа 1561 года. К моменту отплытия войско Лопе де Агирре насчитывало около 160 человек, а к ним в услужение было взято с острова около сотни самых крепких индейцев, мужчин и женщин. После измены Мунгиа, когда власти Номбре-де-Дьос и Панамы получили предупреждение о грозящей опасности, Лопе де Агирре переменил планы и решил высадиться в Бурбурате¹, пересечь все губернаторство Венесуэла, а затем через Новую Гранаду² выйти в Перу, но план сей оказался столь же плох, как и предыдущий. От острова Маргарита до Бурбураты два-три дня ходу, но из-за

штилей и противных ветров этот путь растянулся на восемь дней и по причине непредвиденных задержек извращенный тиран и его дружки всю бо-гохульствовали, проклинали Бога и святых, погоду и ветры. И так, изрыгая ереси и богохульства, в воскресенье 7 сентября вышеуказанного года Лопе де Агирре добрался до Бурбураты.

В селение, отстоявшее на пол-лиги от города, был послан отряд, который нашел колонию безлюдной, ибо все жители бежали, объятые ужасом. Вскоре после высадки тиран приказал убить португальца из рода Фариас — одного из тех, кто примкнул к нему на острове Маргарита. Провинность же его состояла лишь в том, что он спросил, куда они приплыли — на остров или материк. В тот же день Лопе де Агирре направил войско в Бурбурату и приказал сжечь свои корабли. Он разместил солдат, а сам поселился на окраине, окружив себя еще более плотным кольцом личной гвардии, чем раньше. Затем он повелел искать по окрестностям всех выучных

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2010, № 5, 6.

животных, каковых было найдено 25 или 30 голов, а к ним вдобавок отловили сколько-то диких лошадей; но некоторые из солдат, посланных отлавливать коней, подверглись нападению местных жителей, и это привело тирана в такую ярость, что он провозгласил войну не на жизнь, а на смерть королю Кастилии* и его вассалам за исключением тех, кто перейдет на его, Агирре, сторону, и приказал убивать всех вассалов короля, какие встретятся на пути, а если кто не выполнит сего приказа, то сам будет казнен. Солдатам Лопе де Агирре удалось схватить алькальда Бурбураты из рода Чавес, который скрывался в своем поместье в четырех лигах от селения; другие говорят, он сам направился к тирану в надежде поживиться.

В Бурбурате Лопе де Агирре повесил одного солдата из своих мараньонцев из рода Перес, коего увидел лежащим близ ручья за селением; когда Лопе де Агирре спросил его, что это он здесь делает, тот пояснил, что сильно занедужил и очень плох; на это тиран сказал: «Выходит, сеньор Перес, ты не сможешь следовать с нами, лучше бы тебе остаться». Солдат ответил: «Как прикажете, ваша милость». Вернувшись к себе, Лопе де Агирре бросил своим сатрапам: «Немедля доставить сюда больного Переса! Сейчас мы его подлечим и преподнесем ему подарок!». И когда Переса приволокли к дому тирана, злодей приказал повесить его прочим в назидание, дабы никто даже не помышлял остаться и все тащились бы за ним хоть ползком. Капитаны вступились за Переса и всячески упрашивали пощадить солдата, но тиран еще пуще разъярился и воспретил просить за слабыми; и Переса вздернули, а на грудь ему повесили табличку с надписью: «За то, что был никчем и бесполезен».

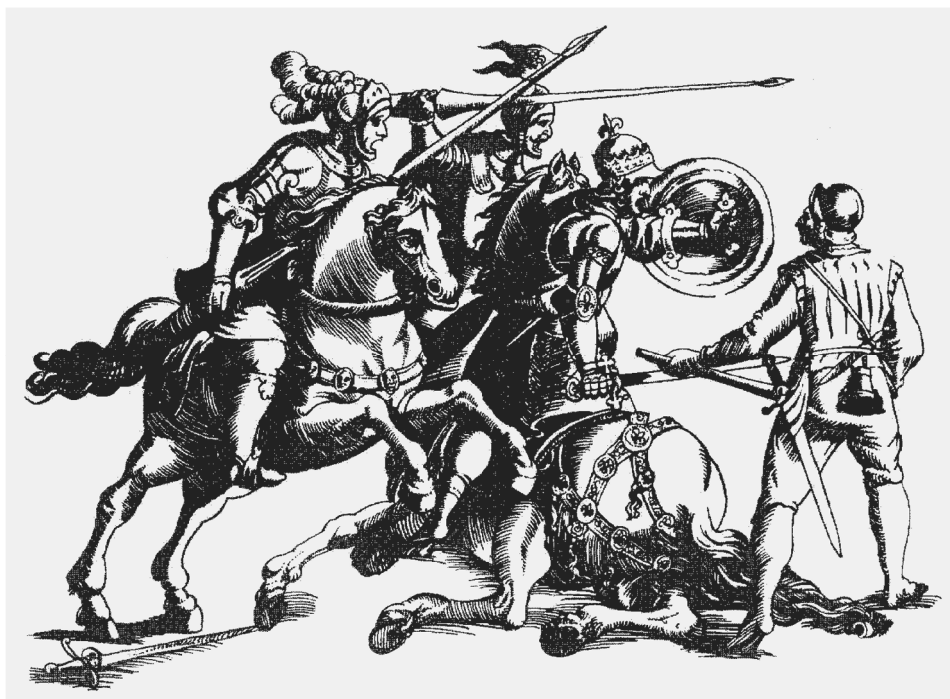
В селении Бурбурата были найдены спрятанные и зарытые вещи, в том числе сукно, съестные припасы и множество бочек вина, и все это добро тиран и его соумышленники прибрали к рукам;

* Имеется в виду испанский король Филипп II.

они опивались вином, готовили в вине мясо и прочие блюда, а некоторые дошли до того, что сбивали с бочек крышки, обнаженными залезали в бочки и купались в вине; и видеть все это похабство было выше человеческих сил.

Едва войско направилось в Новую Валенсию, сбежали два солдата, в душе сохранявшие верность королю, одного звали Педрариас де Алместо, другого Диего де Аларкон; им воспрещалось носить оружие, поскольку тиран угадывал их настроение и не доверял им. Когда обнаружилась пропажа этих солдат, тиран разъярился и, как водится, сыпал ругательствами и богохульствами; и сожалел он, что не поверил советам своих друзей и раньше не растерзал предателей. По приказу Лопе де Агирре войско вернулось в селение, где задержалось еще на два дня; тиран же велел поставить пред собою ранее задержанного алькальда Чавеса и заявил ему: «Знай же: если ты не найдешь мне двух дезертиров — одного зовут Педрариас, другого Аларкон, — я схвачу твою жену и дочерей и жену твоего сына. Делай, что приказано, и поспедай, если не хочешь, чтобы я примерно расправился с ними». Чавес ретиво бросился ловить дезертиров, но за два дня так и не смог их найти; и тогда богомерзкий тиран взял заложниками жен и дочерей алькальда и главного альгвасила дона Хулиана и повел их пешим ходом за собою в Валенсию, оставив селение сожженным, разрушенным и разграбленным.

Когда жители губернаторства Венесуэла узнали, что тиран высадился в Бурбурате и намерен идти вглубь земли, колонисты Валенсии и Баркисимето, двух поселений, расположенных ближе к морю, решили, что им не справиться с угрозой, и схоронились в лесах, прихватив с собой все самое ценное из имущества; но жители города Токуйо, который дальше отстоял от побережья и где находилась резиденция губернатора Педро Пабло Кольядо, оказались более стойкими и отважными; вместе с губернатором они порешили спрятать женщин и детей, а самим riskнуть жизнью ради служения Господу

Конкистадоры

и Его Величеству. И тогда губернатор собрал всех способных носить оружие, коих в Токуйо набралось 40 всадников; и подняв королевский штандарт, он направился во главе отряда в селение Баркисимето, расположенное в 12 лигах от Токуйо на пути к побережью; одновременно он разослал призывы о помощи по всем близлежащим селениям и с этим же призывом послал капитана Перо Браво в Мериду, город, находившийся в 40 лигах от Токуйо, на границе с Новой Гранадой. Когда ополченцы прибыли в Баркисимето, и его жители, попрятавшиеся в лесах, прознали об этом, все боеспособные мужчины вернулись в селение, и таковым образом королевское войско увеличилось до 80 всадников. Каждый день в Баркисимето приходили люди, готовые жизнь положить на службе Его Величеству.

Между тем тиран вышел из Бурбураты и по дороге вдоль побережья направился в Новую Валенсию, а поскольку дорога была плохая и каменистая, солдаты были вынуждены бросить большую часть груза, несомого на пле-

чах, пришлось также оставить и несколько пушек, ибо кони не выдерживали поклажи. Люди взваливали грузы на плечи, и сам Лопе де Агирре нес изрядные тяжести и так притомился, что ему стало плохо, и в тот день, когда они достигли Валенсии, он не удержался в седле, сверзился с коня и распластался на земле, как мертвец; одни солдаты понесли его, а другие, используя знамена в качестве балдахина, заслоняли его от палящих лучей солнца. Постыдно все это было, и не избудут своей вины солдаты, которые имели возможность без труда прикончить тирана, ибо в тот момент при нем находилось немного охраны, поскольку большую часть гвардии и друзей он послал вперед — брать Валенсию. Говорят, тиран уж не мог лежать в гамаке и, завидя тень, ложился на землю, и так он истомился от своей хворобы, что громко кричал: «Убейте меня, убейте же!»; и так тащили его пол-лиги те, кто нынче кичится своими заслугами на королевской службе. Путь до Валенсии, а это лиг десять, занял шесть дней. В селении

Сцена каннибализма

тиран несколько дней провалялся в постели, отдавая приказы своим капитанам и дружкам, и не раз бывало, что он оставался под охраною всего двух аркебузирова, и любой преспокойно мог зайти в его жилище. Через несколько дней он оправился от болезни.

Валенсию мятежники нашли столь же безлюдной, как и Бурбурату; здесь они простояли около 20 дней. Видя, что жители селений бегут от мятежников, как от чумы, и нос бояться высунуть из укрытий, тиран страшно ругался и говорил, что люди сей земли ему отвратительны, они хуже варваров, это ничтожные трусы, и как, мол, они смеют отвергать войну, коли испокон веков люди возлюбили войну и усердно убивали друг друга, коли даже на небе велась война меж ангелами, вследствие коей свергнут был в преисподнюю Люцифер? И так сильно он сокрушался и стонал по этому поводу, как будто ратовал за невесть какое праведное и святое дело.

В Новой Валенсии тиран приказал повесить солдата из своих мараньонцев по имени Гонсало Пагадор за то, что тот нарушил строжайший запрет не выходить без особого разрешения за пределы лагеря и удалился от селения на аркебузный выстрел, чтобы собрать фруктов под названием папайя; и повешен он был на том самом дереве, с коего срывал фрукты.

А теперь вернусь к тем двум солдатам, бежавшим из Бурбураты, о которых я говорил. Напомню, одного из них звали Педрариас де Альместо, а другого — Диего де Аларкон. Так вот, они скрывались в горах, испытывая превеликие муки голода и жажды, и, не в силах более выносить такое существование, порешили сослужить добрую службу Его Величеству, прийти в Бурбурату и, выкликаая имя короля, побудить жителей селения поднять знамя нашего господина дона Филиппа. Так они и поступили. Однажды в полдень вышли на площадь селения и громко выкрикнули:

«Кто здесь есть, выходите на службу королю! Объединимся и повергнем поганого тирана!». На их крики из домов выскочили семь или восемь человек, готовые к ним присоединиться. Тут же появились со своими жезлами алькальд Чавес и главный альгвасил дон Хулиан де Мендоса. Жители Бурбураты приблизились к Педрариасу и Аларкону и вдруг по знаку алькальда набросились на них с воплями: «Вы арестованы, предатели! Да здравствует генерал Лопе де Агирре!». Их посадили под замок, надели им ошейники и приковали цепью друг к другу. Алькальд не стал скрывать, отчего он так поступил с ними, и объяснил, что тиран увел его жену, дочерей и невестку, обещав вернуть женщин лишь в обмен на двух дезертиров. Тогда Педрариас спросил его, по какому праву он держит в руке жезл — знак королевской власти, будучи столь гнусным предателем короля. На эти слова алькальд схватил копье и метнул в Педрариса, но промахнулся. Засим алькальд дал знать тирану, что поймал дезертиров, созвал жителей селения и приказал именем Его Величества отвести дезертиров в Валенсию и передать в руки Лопе де Агирре.

Когда стало известно о появлении дезертиров, дружки Лопе де Агирре попросили его вернуть заложниц главному альгвасилу, напирая на то, что условия свои он в свое время обнародовал и все их слышали. Поэтому тиран повелел отпустить женщин, а дезертиров исколоть кинжалами и разорвать на клочки. Сатрапы уж готовы были начать смертоубийство, когда примчался гонец от тирана и передал приказ привести дезертиров пред очи генерала, ибо он желает с ними говорить. Беглых солдат поставили перед тираном, и тот произнес: «Ну, и что вы натворили? Клянусь Богом, вас привели в подходящий момент. Я как раз обещал сделать из ваших шкур барабан и обещание свое выполняю. Вот и посмотрим, сможет ли воскресить вас король Филипп, которому вы собрались служить. Клянусь Господом, он не воскрешает и даже не залечивает раны». Засим он

удалился в другую комнату надеть кольчугу и шлем; там же находилась его дочь Эльвира, и, несомненно, это она упросила отца не убивать Педрариаса, и тот подчинился ее просьбе. Выйдя из комнаты, Лопе де Агирре подошел к Педрариасу, обнял его и сказал: «Этот пусть живет, а другого разорвите в клочья». После того как Аларкону отсеки голову, его тело разрубили на куски и насадили на колья, воткнутые на площади, а голову привязали к позорному столбу; глядя на нее, громко потешались тиран и его сатрапы, а Лопе де Агирре повторял: «Эх, кабальеро! Если бы мы разделились с Педрариасом, как с его сотоварищем, он так никогда бы и не узнал, что кастильский король не придет воскресить того!». И впрямь это было чудо, не иначе как сам Господь умерил его жестокость, ибо до сих пор не было случая, чтобы тиран кого-либо помиловал.

Во время своего пребывания в Валенсии тиран написал письмо Его Величеству королю дону Филиппу, повелителю нашему, и было сие послание столь же злобным и бесстыжим, каким был отправитель оно. Лопе де Агирре вручил письмо падре Контрерасу, взяв с него клятвенное обещание доставить его в аудиенцию Санто-Доминго, дабы оттуда послание переправили королю, и под данное слово он отпустил священника на остров Маргарита. Падре Контрерас выполнил свое обещание и отправил письмо в Санто-Доминго³.

Завершив письмо королю, извращенный тиран решил как можно скорее выходить из Валенсии. В ночь перед выступлением он приказал всем людям переночевать в хижинах, которые примыкали к его дому и были обнесены глинобитной стеной. Той же ночью он тайно приказал умертвить трех солдат из своих мараньонцев, подозревая, что они намерены дезертировать; утром, когда войско тронулось в путь, он повелел сжечь хижину с убиенными. Лопе де Агирре направился горным путем в Баркисимето, оставив Валенсию со-

женной и разрушенной; весь скот он порезал на мясо и взял с собою коней.

На пути из Валенсии в Баркисимето из войска Лопе де Агирре дезертировали семь или восемь солдат и скрылись в глубине земли, и когда тиран узнал о том, разразился проклятиями и богохульствами, а его адмирал Хуан Гомес, столь же черный душою, как предводитель, а может, еще чернее, сказал, имея в виду тех трех солдат, коих умертвил тиран накануне выступления из Валенсии: «Как правильно ваша милость поступили давеча с теми тремя: не прикончи вы их, убежали бы тридцать. — И добавил. — Между прочим, господин, здесь так много раскидистых деревьев...», — давая понять, что не худо бы вешать всех, кто вызывает подозрение.

Через два или три дня Лопе де Агирре вышел к ранчо, где жили негры — рабы колонистов Венесуэлы, и задержался там на день, чтобы собрать окрестных негров, на чью помощь он весьма полагался. В войске тирана имелось полтора или два десятка негров со своим вожаком, им тиран внушал, что они свободны, и просил их привлекать на свою сторону других чернокожих, обещая всем освобождение от рабства; он обращался с неграми лучше, чем с испанцами, а те в благодарность совершали насилия, грабежи, смертоубийства и прочие гнусности, вызывая похвалы тирана, позволявшего им ни в чем не знать удержу. Однако надежды Лопе де Агирре привлечь на свою сторону венесуэльских негров не оправдались. Узнав о приближении мятежников, колонисты увели рабов вглубь земли и посадили под замок.

На следующий день войско двинулось в путь. Когда начался подъем на взгорок, прошел небольшой дождик, дорога, и без того неровная, раскисла, утомленные кобылы, придавленные грузом поклажи, скользили, падали и не могли сделать ни шагу дальше; видя это, тиран обрушил такую ругань на Бога и Святых, что прямо жуть брала; среди прочего он злобно произнес: «Ты думаешь, Боже, что этим дождичком остановишь меня на пути в Перу? Думаешь, я откажусь перевернуть весь мир? Плохо же Ты меня знаешь!».

Эти и другие святотатства изрыгал он, пока мотыгами вырубались ступени на подъеме, по которым и удалось затащить лошадей наверх.

В долине под названием Лас-Дамас, что пролегает в десяти лигах от Баркисимето, возле реки обнаружили плантации маиса, чему тиран чрезвычайно возрадовался, так как в войске уже ощущался недостаток пропитания. Здесь мятежники задержались на день, чтобы собрать и вылущить початки. Говорят, здесь Лопе де Агирре, разочарованный в своих мараньонцах и ко многим утеравший доверие, собрал на совет капитанов и предложил убить более 40 человек, больных и ненадежных, дабы остаться лишь с сотней самых стойких и преданных людей. Но некоторые из капитанов, не иначе как по Божьему вдохновению, воспротивились и вынудили тирана отказаться от его зверского намерения.

На следующий день поутру войско двинулось в путь, шло ускоренным маршем до наступления темноты и встало лагерем близ оросительного канала в восьми лигах от Баркисимето; здесь мятежники столкнулись с разведывательным отрядом ополченцев. Капитаны ополченцев держали меж собою совет и рассудили, что ополченцы — все конные и в селении не смогут использовать преимущества кавалерии. А посему они решили выйти из селения и встать лагерем на открытом пространстве, на широких равнинах, где конница сможет разгуляться. Они приискали место для лагеря недалеко от селения, в глубоком овраге, где протекал ручей, и перевезли туда все необходимое.

В среду, 22 октября 1561 года, мятежники направились в Баркисимето, а перед этим тиран объявил во всеуслышание, что всякий, кто отдалится от колонны на три шага, будет застрелен из аркебузы. Подойдя к Баркисимето, мятежники увидели королевских ополченцев на холме, на противоположной окраине селения. Тиран же остановил свое войско на берегу реки и перестроил его, поставив в авангард самых надежных людей, а в арьергард — обоз и

Дележ добычи

прислугу, после чего двинулся вперед с развернутыми стягами, коих у него имелось шесть: четыре полевые знамена и два штандарта. И на подходе к селению он приказал аркебузирам дать залп, чтобы посеять панику в рядах противника. Ополченцы Его Величества с воздетым королевским штандартом спустились с холма и двинулись навстречу мятежникам; в селении противники подошли вплотную друг к другу, и случились отдельные стычки, грозившие перерасти в сражение, но капитаны Его Величества не стали ввязываться в баталию и отвели людей, дожидаясь более благоприятного момента.

Итак, королевские ополченцы отошли за пределы селения и встали лагерем в овраге, а мятежники заняли Баркисимето и по велению тирана расположились в домах, окруженных наподобие крепости высокой глинобитной стеною; а разместил там тиран своих людей не столько из соображений безопасности, сколько для того, чтобы держать под надзором ненадежных, дабы они

не перебежали в королевское войско, чего страстно желали добродетельные солдаты, хотя таковых было не очень много.

Расположившись в крепости, тиран послал доверенных солдат грабить дома колонистов, и там они нашли во множестве помилованные грамоты, в коих было написано, что лицензиат Пабло Кольядо, губернатор вверенной его власти провинции, помилует всякого, кто перейдет на службу Его Величеству, невзирая на преступления, какие он совершил под принуждением тирана, но помилования можно ожидать лишь в том случае, если раскаявшийся воздержится от участия в битве с королевским войском. Некоторые из этих грамот попали в руки тирану через его выкормышей, и тогда он повелел собрать всех людей и провел с ними долгую беседу, напомнил об их преступлениях и уверил, что сам король не стал бы их прощать, не то что какой-то лицензиатик-губернаторишка, подсунувший эти бумажонки, чтобы ввести их в заблужде-

ние; и пусть, мол, они покрепче вобьют себе в голову очевидные вещи, а не живут чужим умом, и много чего еще наговорил им в этом роде.

Той ночью оба враждующих лагеря были начеку и выставили изрядную охрану, наблюдавшую за врагом, а наутро, в четыре часа, королевские ополченцы выдвинулись и пальнули из пяти имевшихся у них аркебуз, а тиран в ответ на эту вылазку приказал всем изготавиться к бою и послал 40 аркебузирова атаковать тех, кто стрелял; им удалось незамеченными подобраться к королевским стрелкам, они ударили на них, произошла стычка, но обошлось без убитых и раненых, после чего противники разошлись по своим лагерям. В тот же день вечером в лагерь королевских ополченцев прибыл губернатор Пабло Колядо; а с ним пришел из Мерида капитан Педро Браво во главе двух десятков всадников. И с их приходом возрадовались ополченцы, и уж считали себя победителями, и ни во что не ставили тирана, имея на то веские основания, ибо их насчитывалось уже 180 всадников, добродетельных и советливых людей, жаждущих послужить Богу и королю и защитить, даже ценою собственных жизней, жен и детей своих, имущество и дома. Все это время вокруг лагеря Лопе де Агирре кружили королевские отряды, посланные с двойной целью: первая — не дать мятежникам выходить из лагеря в поисках пропитания и коней; вторая — защищать и сопровождать перебежчиков, ежели таковые объявятся.

Некоторые солдаты Лопе де Агирре в душе горели желанием перейти на сторону короля, но не имели возможности сделать это, поскольку находились как бы в заключении за стенами да под многочисленной охраной, не смыкавшей глаз ни днем, ни ночью; и лишь в пятницу, на третий день после вступления тирана в Валенсию, из его войска дезертировали два аркебузира с оружием, тем самым они дали надежду, что за ними последуют другие: по их заверениям, Эрнан Сентено и капитан Хуан Херонимо де Эспиндола ждали лишь

удобного случая, чтобы бежать и увести за собою как можно больше людей. Перебежчики были встречены с распростертыми объятиями, получили коней, после чего под защитой кавалерийских отрядов приблизились к лагерю Лопе де Агирре и во весь голос уговаривали остальных последовать их примеру.

Следующей ночью Лопе де Агирре послал капитана личной охраны во главе 70 аркебузирова с заданием: под покровом темноты неслышно подобраться к королевскому войску и внезапно атаковать лагерь; сам же обещал с утра выступить с остальными людьми, чтобы приккрыть отряд. Но в саванне они наткнулись на королевский разведывательный отряд, и поняв, что внезапной атаки уже не получится, мятежники схоронились от взора в распадке между холмами.

Утром мятежники были обнаружены в саванне, и королевское войско в полном составе пошло на них в атаку. Мятежники послали за помощью к Лопе де Агирре, а сами укрепились в глубоком ущелье, где протекала река и где не могла развернуться конница противника. Как только Лопе де Агирре узнал о бедственном положении своего отряда, тут же двинулся ему на подмогу с тремя десятками аркебузирова; они маршировали под звуки труб и барабанов и с развернутым черным знаменем, на котором были изображены два скрещенных окровавленных меча. После того как Лопе де Агирре соединился с отрядом, королевские силы пошли в атаку и, встреченные выстрелами, ударились в бегство; а на самом деле то было ложное отступление, предпринятое с целью выманить мятежников из ущелья на равнину, где получала преимущество конница; тиран поддался на уловку и во главе своего войска бросился вослед отступавшим, но когда мятежники оказались на равнине, всадники поворотили коней и ударили на них. Завязалась жестокая битва. У мятежников не было копий, чтобы противостоять всадникам, которые плотным кольцом окружили войско Лопе де Агирре и нападали со всех сторон, внося замешательство и

панику в ряды. В разгар сражения капитан кавалерии мятежников Диего Тирадо, время от времени атаковавший королевских всадников, улучил момент, прищиприл коня и под видом очередной атаки на всем скаку перемахнул на сторону ополченцев. Увидев это, тиран пал духом и приказал трубить отступление, а дабы остальные не последовали примеру Тирадо, он внушал солдатам: «Успокойтесь, кабальеро! Я послал Диего Тирадо в стан врага с особым заданием. Поверьте, он действует согласно моей воле». Когда Диего Тирадо предстал перед губернатором и прочими офицерами, они принялись расхваливать его, и оказали ему превеликие почести, и предоставили ему прекрасного коня; капитан вскочил на коня и бросился в атаку на мятежников с криками: «Эй, кабальеро! Переходите под знамя короля! Король милосерден!».

В том сражении, о коем шла речь, случилось нечто достойное удивления: хотя войско тирана сплошь состояло из аркебузирова и палили они не переставая, они не убили и не ранили ни одного всадника и ни одного коня ополченцев, тогда как люди, преданные королю, имея всего-то пять или шесть аркебуз, ранили двух мятежников и убили коня, на котором восседал тиран⁴.

Дезертирство Диего Тирадо, коему Лопе де Агирре больше всего доверял; гибель коня от аркебузной пули, что привело тирана в ужас и смятение; воодушевление, с каким атаквали королевские ополченцы; слабость аркебузирова-мараньонцев, не способных попасть в противника и ранить хотя бы лошадей, — все это обескуражило тирана, и начал он прозревать свою погибель. Дабы избежать ее, он с копьем в руке, пеший, стал сбивать своих людей в колонну (дружки помогали ему, нанося солдатам удары в спины древками копий) и погнал их обратно в крепость, стараясь поспеть туда раньше ополченцев, а те преследовали их по пятам; и кабы королевские всадники раньше атаквали форт, то взяли бы его, благо там оставалось совсем немного солдат, и те большей частью ненадежные да недужные. Запершись в крепости, тиран

в ярости накинулся на солдат, называя их трусами и предателями, и попрекал их: «Мараньонцы, вы стреляете по звездам». Затем он разоружил тех, кого держал под подозрением, и выставил сильную охрану из своих дружков, чтобы никто не смог дезертировать.

На следующий день он решил совершить чудовищную жестокость и составил список всех подозрительных и больных, числом более полусотни, намереваясь убить их всех до единого, а с оставшимися вернуться к морю, захватить какое-нибудь судно и выбрать другой путь. Он уже готов был привести сей план в исполнение, разоружил всех, кого мысленно приговорил к казни, и посвятил в свой замысел дружков; но те, понимая, что дело их дохлое, и желая хоть в чем-то оправдаться перед королевской властью и перейти на ее сторону, что они впоследствии и сделали, воспротивились этому и привели много разумных доводов. Сейчас неподходящий момент для расправы, говорили они, и если убить подозрительных, то оставшиеся станут бояться, что попадут под подозрение, и от страха сбегут все. Этими и прочими доводами они переубедили Лопе де Агирре, а более всего тому способствовала воля Господня; но тиран твердо остался при своем решении возвращаться к морю. Аркебузы, отобранные у ненадежных солдат, хранились под усиленной охраной, дабы дезертиры не прихватили их с собою и не обратили против мятежников.

После сражения, которое произошло в пятницу утром, тиран три дня, до понедельника просидел в форте взаперти, подготавливая в обратный путь к морскому побережью и никого не выпуская за стены крепости ни на поиски пропитания, ни под каким иным предлогом. И все это время он находился в окружении личной охраны, состоявшей из самых верных друзей, у которых, как и у него, руки были по локоть в крови; а другие охранники числом два десятка присматривали за теми ненадежными, кого тиран по подозрению лишил оружия. В эти дни в лагере Лопе де Агирре царил страшный голод, ибо, как было

Как торгуют испанцы

сказано, опасаясь дезертирства, тиран никого не выпускал на поиски пропитания, тем паче что вокруг крепости день и ночь караулили королевские всадники; и потому мятежники съели мулов и собак и съели бы лошадей, если бы тиран строго-настрого не воспретил их трогать, ибо кони были ему нужны для возвращения к морю.

За эти дни некоторым солдатам удалось перебежать в стан ополченцев, и они рассказали, что тиран намерен вернуться в Бурбурату. Утром в понедельник, 27 октября 1561 года Лопе де Агирре отдал приказ возвращаться к морю, при этом он разоружил большую часть своих людей, включая некоторых капитанов, а оружие и прочую амуницию навьючил на лошадей. Он готов был уже тронуться в путь, когда его люди в один голос заявили, что не следует уходить днем, надо дожидаться ночи, когда прохладнее и легче идти; а те, у кого отняли оружие, начали роптать: как, мол, они пойдут безоружные, и по-

требовали вернуть им оружие; а другие вообще выступили против возвращения к морю. Видя такое единодушное неподчинение солдат, тиран сбавил тон и попробовал задобрить своих людей, и повел с ними задушевную беседу, которая никого уже не могла пронять, и поведение солдат становилось все более наглым и вызывающим. Когда же тиран посетовал на тех мараньонцев, которые предали его и перешли на службу к королю, капитан Хуан Херонимо де Эспиндола резко оборвал его и сказал: мол, нечего жаловаться на дезертиров, надо было оставить их в покое на острове Маргарита и на Твердой Земле, и пусть бы бежал себе кто хочет, зато остальные хранили бы верность. А он вместо этого разыскивал дезертиров и казнил, и силой тащил людей за собою — чему же теперь удивляться? С грустью в голосе Лопе де Агирре признал правоту капитана, после чего повелел казнить его, однако не нашлось никого, кто выполнил бы сей свирепый приказ. Тиран сник и приказал

раздать всем оружие со словами: мол, поступайте как знаете; но некоторые не захотели брать оружие, и тогда Лопе де Агирре начал упрасивать их и даже попросил у них извинения, говоря, что одна ошибка простительна — как будто он ошибся только сейчас и не держал солдат своих подобно пленникам и рабам, как будто не оскорблял их раньше словами и делами, как будто не казнил их без сожаления. Но наконец все взяли оружие, и даже тогда не нашлось никого, кто решился бы убить злодея.

В это время, примерно в полдень, на холме прямо возле лагеря показался маэсе де кампо ополченцев со своим отрядом. На его появление мятежники ответили аркебузными выстрелами и ранили коня, на коем восседал капитан Педро Браво, — это было единственное ранение в королевском войске за всю военную кампанию. Солдаты твердили тирану, что рвутся в бой с королевскими всадниками, и просили выпустить их; Лопе де Агирре поддался их уговорам, приказал открыть ворота крепости и сам вышел наружу наблюдать за сражением. Как только капитан Эспиндола оказался за стенами крепости, он со своим отрядом тут же сдался ополченцам, а вслед за ними побежали сдаваться многие другие. С болью в сердце смотрел тиран, как его мараньонцы переходят на сторону короля, затем повернулся и побрел в крепость, а там увидел, что и другие солдаты десятками перелезают через стены и дезертируют. Получаса не прошло, как в форте остались с ним лишь шесть или семь человек, хранивших ему верность, и среди них капитан Антон Льямосо. Обратившись к нему, тиран горько молвил: «Сынок Льямосо, ну и как тебе все это?». Тот ответил: «Я умру с вашей милостью, пусть нас вместе растерзают».

Увидел тиран, что остался почти в одиночестве и, вместо того чтобы покаяться в своих грехах, в отчаянии свершил еще одно, самое страшное из всех преступлений, каковым увенчал свои злодеяния, — зарезал кинжалом единственную дочь, прекрасную метиску, которую не покидал своей заботой. По его словам, убил он ее, чтобы она не осталась жить середь его врагов с клеймом дочери тирана. Брошен-

ный всеми, он метался по дому, когда в крепость вошли несколько дезертиров-мараньонцев в сопровождении королевских ополченцев; он сдался им без сопротивления и вручил оружие одному из своих бывших дружков по имени Кустодио Эрнандес. Засим появился маэсе де кампо ополченцев Диего Гарсиа де Паредес в окружении солдат, и они увидели Лопе де Агирре и залитое кровью, истыканное кинжалом девичье тело. Как узнали они, кто она и как погибла, ужаснулись таковому злодейству и принялись жестоко попрекать тирана, на что он ответил: я решил, лучше я убью ее, чем оставлю на потеху врагам, и она умрет как последняя шлюха.

Тиран попросил Паредеса, чтобы тот не казнил никого из мараньонцев, а его самого отвел бы к губернатору, ибо он собирался сообщить тому нечто весьма важное и полезное для служения Его Величеству; но двое из мараньонцев, Кустодио Эрнандес и Кристоаль Галиндо, на чьем счету было немало злодеяний, при этих словах испугались, как бы он не рассказал об их делишках, после чего им трудно будет оправдаться, и один за другим разрядили в него аркебузы: первая пуля попала тирану в верхнюю часть груди, и он что-то пробормотал неразборчиво, а после второго выстрела упал замертво, не препоручив душу Господу, и умер, как дурной христианин.

По делам и по словам своим он был язычником и еретиком, и двигало им одно лишь тщеславие, в удовлетворении коего он видел предел своего счастья. Ему куда важнее было прослыть храбрецом, нежели добропорядочным христианином. И многожды он говаривал; мол, если не удастся ему дойти до Перу, все там порушить и всех поубивать, то, по крайней мере, слава о его злодеяниях навсегда сохранится в памяти человеческой, а голова его будет подвешена на позорном столбе, дабы не избылась память о нем, и тем он будет доволен. С этим он и отправился в преисподнюю на веки вечные, оставив по себе такую же черную память, как проклятый Иуда, дабы люди плевались, упоминая о нем, и проклинали имя его как самого злобного и гнусного человека, когда-либо рожденного в мире.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РЕЛЯЦИИ ФРАНСИСКО ВАСКЕСА

В официальной историографии XVI—XIX вв. Лопе де Агирре представлен таким, каким его воссоздали в хрониках участники похода. В совокупности они создали образ законченного злодея. Но вот что любопытно. Читателям реляции Васкеса, может быть, передалось то странное чувство, которое испытывал переводчик: хотя Франсиско Васкес старательно мажет Лопе де Агирре черной краской, без полутонов и оттенков, его герой не вмещается в эту однолинейную интерпретацию.

Сказанное, конечно, не отменяет того, что Лопе де Агирре воплотил в себе классическую модель тирана и в этом качестве «протягивает руку» через века и народы своим многочисленным предшественникам и последователям. Впрочем, в первой трети XIX в. появилась иная оценка Лопе де Агирре. Ее автором стал Симон Боливар, который в личности вождя мараньонцев прозрел прежде всего воплощение мятежного духа и порыва к свободе, а написанный в амазонской сельве документ об отказе от испанского подданства он назвал первым актом независимости Америки.

XX век принес новую, психопатологическую интерпретацию поведения вождя мараньонцев: профессиональные врачи и криминологи поставили ему ряд убийственных диагнозов⁵. Спору нет, нормальным человеком Лопе де Агирре трудно назвать, и, безусловно, у него имелись серьезные отклонения в психике (как, впрочем, у большинства тиранов); однако сводить мотивацию его поступков к медицинскому диагнозу, значит уподобиться тому слепцу из индийской притчи, который, ощупав хвост слона, решил, что перед ним — змея.

Лопе де Агирре воплотил в себе в крайнем выражении беспокойный дух конкистадора как такового. Он в полной мере унаследовал некоторые своеобразные черты характера и личности конкистадора⁶, но явил их в столь сконцентрированном виде, в столь экстремальном выражении, что перевел их в план гротеска. Кошмарного гротеска. Именно это и придает его личности иной масштаб, иное измерение.

Возьмем черту за чертой характера испанского конкистадора и мы увидим, как в сознании Лопе де Агирре все они принимают самые гипертрофированные формы. Прежде всего это касается смещения европейского чувства нормы. Но если в мышлении и в поступках других конкистадоров это «смещение» проявлялось преимущественно на уровне подсознания, то читатель хроники Васкеса не мог не почувствовать, что в своих действиях Лопе де Агирре словно задался целью попать и отринуть норму (как европейскую, так и христианскую, общечеловеческую) и утвердить новую норму бытия.

Он проводил в жизнь эту установку и на деле, и на словах, когда открыто заявлял, что намерен установить новый закон. Новый закон и впрямь — фактически — был установлен: нормой в отряде «доблестных мараньонцев» стало убийство по малейшему подозрению, порою из чистой прихоти. Жизнь человеческая полностью обесценилась и потеряла свой сакральный смысл, а что касается загробного существования, то Лопе де Агирре никому (кроме дочери, которую убил своими руками), видимо, из принципа не позволял по-христиански исповедаться перед смертью.

Смещенность европейской нормы в сознании испанских конкистадоров повлекла за собой атрофию чувства невозможного. Одна чудесная победа внушала уверенность в последующих, и конкистадор бывал готов уже с двумя сотнями человек атаковать империю. Чувство невозможного исчезало и в морально-этическом плане: стремление выжить в экстремальных обстоятельствах, выжить любой ценой, да еще при этом разбогатеть отменяло обветшавшие рыцарские установки испанского идадьго. Нет такой подлости и жестокости по отношению к индейцам, да и к соратникам, которую не совершил бы конкистадор для достижения своих целей. Разве не это отсутствие чувства невозможного двигало Кортесом и Писарро, когда они с ничтожными силами вторгались в могущественные государства? Разве не перешагивание через морально-нравственные барьеры обеспечило успех этих экспедиций? Но их предприятия, пожалуй, не идут ни в какое сравнение с грандиозными планами Лопе де Агирре по захвату Перу и отделения американских колоний от Испании. И ради достижения этой великой цели он не гнушается средствами: отменяет христианскую мораль как таковую и устанавливает «новый закон».

Как видно, типичное в сознании конкистадора (смещение нормы, отсутствие чувства невозможного как в завоеваниях, так и в морали) в характере Лопе де Агирре доведено до экстремальной степени. Возможно, это происходило под воздействием личной психической патологии, которая гипертрофировалась в стрессовых условиях экспедиции. Отметим, однако: «друзки» и «выкормыши» Лопе де Агирре в точности воспроизводили модель его поведения. Что же, они все были с психиатрическим диагнозом? Вряд ли. Та необыкновенная легкость, с которой они усваивали «новый закон», ясно показывает, что в их сознании также сместилось чувство нормы, непоправимо сдвинулись базовые морально-этические критерии.

Это смещение понял и глубоко отразил венесуэльский писатель Мигель Отеро Сильва в своей интерпретации личности Лопе де Агирре и увязал с воздействием американского пространства, показав, как грандиозное неизведанное пространство моделировало личность, заставляло ее превосходить свои пределы. Стоит процитировать один фрагмент из романа «Лопе де Агирре, Князь Свободы»: «...В этом месте Мараньон навсегда и бесповоротно становится вселенской рекой, плывущий по нему начинает чувствовать себя бесконечно малым или безгранично великим, в зависимости от того, какого он сам о себе мнения. Лично я чувствую, что моей душе прибывает величия по мере того, как зеркало реки ширится пред моими глазами... Величие этой реки возвращает мне сознание, что я есть на самом деле: не колченогий беззубый старик, а десница, готовая вершить небывалые подвиги, я вождь и предводитель и стою больше, чем кто бы то ни было, много больше, чем губернатор Педро де Урсуа, и не меньше, чем сам король Филипп, коего хранит Господь, а со временем и ты, испанский король будешь стоять меньше, чем я»⁷.

Обратим внимание на словосочетания «стоять больше» и «стоять меньше» в финале цитаты. Венесуэльский писатель отразил тот особый психологический комплекс испанского идадьго, который испанцы того времени определили емкой формулой «*ir a valer más*». Буквально это можно перевести нескладными словосочетаниями «становиться стоять дороже» или «начинать значить больше», причем вроде бы лишний глагол (буквально «идти») здесь очень важен, ибо он обозначает процесс, устремле-

ние, продвижение человека на пути самооценки и оценки в глазах окружающих: речь идет, прежде всего, о поступках, деяниях, которые способны выделить человека из его окружения.

Новый Свет предложил испанцу совершенно иные возможности для «повышения собственной стоимости», чем те, что могла ему предоставить абсолютистская Испания, где все уже было куплено, распределено, установлено, где жизнь была организована по принципу «всяк сверчок знай свой шесток». Великие географические открытия стали лучшим ответом на запросы времени. Энергия, рожденная на переломе эпох, нашла выход и достойное поле применения. В Америке, как в сказке, судьба могла разом перемениться. В Новом Свете идадьгический комплекс «большой стоимости» чрезвычайно обостряется: ведь беспредельное пространство подразумевает и беспредельные возможности — здесь каждый может в полной мере проявить себя, обрести и доказать свою «стоимость».

Идадьгический комплекс «большой стоимости» был присущ Лопе де Агирре в той же степени, что и другим конкистадорам, только, в отличие от прочих, он не смог реализовать свои амбиции на ниве служения королю. Особенно сильно эти амбиции выплескиваются во время мятежа: мы снова видим, как типовое в сознании конкистадора доводится до экстремального, и Лопе де Агирре осмеливается сделать то, что не осмеливался никто до него. Он не просто отрицает власть короля, а повышает свою «стоимость» настолько, что ставит себя выше короля. Его письмо — тому свидетельство.

Точно также в запредельном выражении в личности Лопе де Агирре воплощена столь характерная для испанского конкистадора жажда посмертной славы. Но если «типичный» конкистадор стремился оставить по себе добрую память, а худой славы боялся пуще смерти, то Лопе де Агирре выводит понятие «слава» за рамки морали и христианских установлений и делает абсолютной внеэтической ценностью, самоцелью. Его стремление оставить по себе память в веках предстает уже в форме маниакальной идеи.

Лопе де Агирре не мог свершить великих открытий, ибо повторял путь Орельяны. Не мог свершить он и «доброй конкисты», так как быстро понял, что сведения о странах Эльдорадо и Омагуа суть вздорные измышления. Одержимый идеей оставить о себе память в веках, он избрал иной путь. Верил ли сам Лопе де Агирре в успех своего предприятия? Верил ли, что сможет с горсткой «мараньонцев» немислимым маршрутом дойти до Перу и победить самого могущественного в ту эпоху монарха — испанского короля Филиппа II? Вряд ли. Его обреченный мятеж был не чем иным, как порывом в Историю. Его деяния были чистой воды героизмом.

Для конкистадора один из способов оставить о себе память в веках — написать реляцию. И в этом отношении Лопе де Агирре продолжает традицию предшественников, но составляет документ совсем в ином, экстремальном жанре — письмо-вызов испанскому королю. Хотя это нечто прямо противоположное реляции как по духу, так и по стилю, Лопе де Агирре берется за перо, отчасти движимый теми же стимулами, что и многие другие конкистадоры: сохранить свое имя в истории, подчеркнуть личную роль в событиях и при надобности оправдать себя, отстоять свою

«честь и славу», донести до вышестоящих правду, как он ее понимает, наконец, закрепить увиденное и пережитое в слове.

И мятеж свой Лопе де Агирре довел до самого крайнего, предельного выражения. Он не был первым мятежником и опирался на крепкую традицию, которая подспудно была заложена в самих формах организации Конкисты. Ситуация генерал-капитана в корне отлична от положения губернатора или вице-короля, назначенного на подконтрольную Испании территорию. Если последние являлись, можно сказать, на все готовенькое, то первый должен был в подлинном смысле слова овладеть своей территорией: сначала ее открыть, затем исследовать, дать имя географическим компонентам этого пространства — рекам, озерам, горам и т.п.; привести к покорности туземцев и христианизировать их, наконец, «заселить» территорию, то есть создать сеть испанских городов и селений.

Получается, что генерал-капитан фактически создает «новую страну» для себя и своих подчиненных, чувствуя себя демиургом и властителем вверенной ему территории. Показательно и то, что в восприятии испанского завоевателя пространство Нового Света предстает внеисторичным: оно находится как бы в начальной точке исторического времени, агентами которого мыслят себя испанцы. Что же касается вопросов возникновения и многолетнего развития индейских культур и государств, интересовавших профессиональных хронистов, все это проходит мимо сознания испанских завоевателей, поскольку для них это не история, а предыстория, мало их волнующая. По их убеждению, подлинную историю этих земель начинают они.

Рядовые конкистадоры также считали себя по праву первооткрывателей и завоевателей коллективными хозяевами покоренной территории и полновластными индивидуальными хозяевами своих энкомьенд. Это ощущение очень точно сформулировал конкистадор Себастьян де Белалькасар, когда изрек: «Бог на небе, король за океаном, а здесь я хозяин». Ему же принадлежит еще одна знаменитая сентенция: «Закон требует почитания, но не исполнения».

Король ясно понимал эти особенности самоощущения конкистадоров и всячески старался ограничить их своеволие, издавая бесчисленные законы, один строже другого, и засылая в Новый Свет бесчисленное множество чиновников, призванных проводить эти законы в жизнь. Эмиссары короля прибывали на место и самоуверенно внедряли собственные порядки. Столкновение амбиций конкистадоров с амбициями чиновников и создавало питательную почву для мятежей.

Вместе с тем была грань, которую не переступил ни один из бунтовщиков, кроме Агирре. Эта грань — верность королю. Как ни парадоксально, идеологической подкладкой мятежей почти всегда был лозунг «истинного», «более правильного» служения интересам короны — в противовес эмиссарам короля, которые, дескать, во всем предают эти интересы и совершают то, что по-испански обозначается непереводаемым словом «deservicio» (нечто, противоположное служению, «антислужение»). Лопе де Агирре с его органической потребностью перейти все пределы, попать все нормы смело перешагивает запретную грань и объявляет испанскому королю «войну не на жизнь, а на смерть». Мало того, он совершает вообще неслыханное: отказывается от испанского подданства.

Это не только политический, но и культурный акт. Своим отречением от испанского подданства Лопе де Агирре фактически ознаменовал рождение нового этноса, новой культуры, которая три века спустя будет названа латиноамериканской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурбурата — правильно Борбурата, порт на побережье Венесуэлы, нынешний Пуэрто-Кабельо.

² В то время, о котором идет речь в хронике, Новая Гранада (территория нынешней Колумбии) имела статус аудиенсии в составе вице-королевства Перу.

³ В переводе на русский фрагменты письма приведены в романе: М.О т е р о С и л ь в а. Лопеде Агирре, Князь Свободы. М., 1982, с. 376—377. Полностью приведено в книге: А.Н и з о в с к и й. Сокровища конкистадоров. М., 2007, с. 185—191.

⁴ Удивления достойна наивность Васкеса: понятно, что солдаты стреляли мимо цели, понимая, что мятеж обречен.

⁵ См.: M.L a s a r t a. Lope de Aguirre. El loco de Amazonas. Madrid, 1998, p. 164—165. См. также графологическую экспертизу в книге: L.C a s t r o F u l g e n c i o. Lope de Aguirre el Peregrino. Primer caudillo de América. Barcelona, 1977, p. 155—157.

⁶ Подробнее см.: А.К о ф м а н. Рыцари Нового Света. М., 2007, глава «Духовный облик конкистадора».

⁷ М.О т е р о С и л ь в а. Избранное. М., 1982, с. 271.

Перевод и послесловие А.КОФМАНА
(andrey.kofman@gmail.com)